



Телные архивы

Загадочная история книг,
обернутых в человеческую кожу

МЕГАН РОЗЕНБЛУМ

медицинский библиотекарь



БОМБОРА

Темные архивы. Книги о жутких
экспериментах и практиках над людьми

Меган Розенблум

**Темные архивы. Загадочная
история книг, обернутых
в человеческую кожу**

«ЭКСМО»

2020

УДК 002.2
ББК 76.10

Розенблум М.

Темные архивы. Загадочная история книг, обернутых в человеческую кожу / М. Розенблум — «Эксмо», 2020 — (Темные архивы. Книги о жутких экспериментах и практиках над людьми)

ISBN 978-5-04-166912-6

Ряд старинных книг, на первый взгляд ничем не отличающихся от других антикварных изданий, стал отправной точкой для странного и шокирующего исследования библиотекаря и журналистки Меган Розенблум. Главная их тайна заключалась отнюдь не в содержании, а в обложках: они были сделаны из человеческой кожи. Откуда произошли эти книги, и кто стоял за их созданием? Для чьих коллекций делались антроподермические издания, и много ли таких было сделано? В «Темных архивах» Меган Розенблум рассказывает, как она совместно с командой ученых, экспертов и других библиотекарей изучала эту мрачную тему, как, идя по следам различных слухов, они пытались выяснить правду. Это исследование напоминает детективную историю и триллер, с той лишь разницей, что все описанное Розенблум, происходило в реальности. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 002.2
ББК 76.10

ISBN 978-5-04-166912-6

© Розенблум М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие автора	7
Пролог. Под стеклом	8
1. Первая печать	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Меган Розенблум
Темные архивы. Загадочная история
книг, обернутых в человеческую кожу

Megan Rosenbloom

Dark Archives: A Librarian's Investigation into the Science and History of Books Bound in Human Skin

© 2020 by Megan Rosenbloom

© Быкова Е. Д., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается Кэти Карран, чья храбрость, сила и чувство юмора
вдохновили меня на написание этой книги. Теперь ты просто обязана
прочитать ее, мама*

Предисловие автора

Выводы научного исследования под названием «Проект „Антроподермическая книга“» (*Anthropodermic Book Project*) в настоящее время нельзя найти в открытом доступе, поэтому, где это возможно, я привожу наши в том виде, в каком они были опубликованы – например, в средствах массовой информации или библиотечном каталоге. В тех случаях, когда результаты массового дактилоскопирования пептидов не были обнаружены в других местах, любые выводы, которыми я делюсь в этой книге, были одобрены соответствующими организациями.

В свой труд я включила всего одно изображение книги в антроподермическом переплете, подлинность которой подтверждена, – экземпляр «Танца смерти» Ганса Гольбейна 1898 года из библиотеки Джона Хэя Брауновского университета. Я решила поделиться этим снимком, потому что считаю ее самой красивой из всех подобных книг и наиболее искусно переплетенной.

Книги из человеческой кожи не сразу заметны, они не имеют омерзительного вида, и их сложно отличить от других на полке.

В отличие от «Некрономикона»¹ или манускрипта с заклинаниями в фильме Disney 1993 года «Фокус-покус», настоящие книги из человеческой кожи обычно не сразу можно заметить: они не имеют характерного омерзительного вида. Они не сильно отличаются от любых других антикварных томов, которые можно легко найти на полке. Вероятно, некоторые из них спокойно стоят на библиотечных стеллажах, прячась от посторонних глаз. Даже если бы вы держали в руках такую книгу прямо сейчас, то, вероятно, не смогли бы это определить наверняка.

¹ «Некрономикон» – вымышленная книга-гримуар, придуманная Говардом Лавкрафтом и часто упоминаемая в литературных произведениях, основанных на мифах Ктулху. Согласно рассказу «Ведьмин Лог», в этой книге описаны все магические ритуалы, а также полная история Древних, которые постоянно вели ожесточенные войны.

Пролог. Под стеклом

Медные, деревянные и стеклянные витрины делали главный выставочный зал Музея Мюттера теплым и уютным – и достаточно странно, учитывая, что это была комната, полная трупов. Шел 2008 год, я училась в библиотечной школе и работала в медицинском издательстве. Часто после долгой смены в соседнем музее Розенбаха я прогуливалась по этой всемирно известной коллекции медицинских странностей. Каждый раз я замечала что-то новое или видела знакомый экземпляр с необычной стороны. В один день я могла задержаться возле печени Чанга и Энга Банкеров – они были первыми сиамскими близнецами; в другой раз любовалась человеческой толстой кишкой, которая была длиннее моей машины. Это был Музей медицинской истории Мюттера в Филадельфии – место, которое порождает смесь нетерпеливого восхищения и спокойного созерцания смертности.

На втором этаже стояла неприметная стеклянная витрина с книгами в кожаных переплетках. Будучи ученицей библиотечной школы, влюбленной в редкие издания, я чувствовала себя достаточно странно, смотря на их обложки. Когда я заметила подпись на витринах, то ахнула и огляделась, словно ища какого-нибудь прохожего, который подтвердил бы то, что там было написано. Текст на табличке гласил, что эти книги – и сопровождающий их бумажник – были сделаны из человеческой кожи.

Дальнейшее потрясло меня еще сильнее: врачи когда-то делали эти книги из кожи, чтобы добавить их в свои роскошные частные коллекции. Был один врач, Джозеф Лейди, чей личный экземпляр его собственной книги «Элементарный трактат о человеческой анатомии» (*An Elementary Treatise on Human Anatomy*) был переплетен в кожу пациента – солдата, участвовавшего в Гражданской войне. В письме, которое сопровождало пожертвование книги в музей, потомки медика называли ее «самым дорогим достоянием».

Врачи делали книги из человеческой кожи для частных коллекций.

Я могла представить себе серийного убийцу, делающего предметы из человеческих останков и хранящего их в качестве трофеев. Но врач? Было ли время, когда подобные практики считались нормой и медики могли делать такое с телами пациентов? Большинство людей сегодня предположили бы, что, если врач сделал что-то настолько отвратительное, это должно было произойти во времена нацизма. Но, как я узнала позже, неизвестно ни одной книги в переплете из человеческой кожи того периода. В отличие от других останков, выставленных в музее Мюттера, эти закрытые фолианты не могли научить студентов-медиков редким заболеваниям или состояниям, с которыми они никогда не смогут столкнуться у постели пациента. Кожа мертвеца стала побочным продуктом процесса вскрытия, как кусок кожи животного после забоя, взятый исключительно для того, чтобы сделать книги врача более редкими и ценными. Эта практика называется «антроподермическая библиопегия»: сочетание греческих слов «человек» (*anthropos*), «кожа» (*derma*), «книга» (*biblion*) и «скрепление» (*pegia*).

Последствия всего этого я смогла представить, только когда попыталась поставить себя на место почтенного доктора-библиофила, который создал такую чудовищную вещь. Коллекционеры редких книг трепещут перед уникальным экземпляром, как и я. Но то, как многие из них оценивают тома, – это только поверхностные суждения: возраст, износ, красота иллюстраций, орнамент переплета и, конечно же, природа содержания, хранящегося в этой физической форме.

Глядя на книгу в антроподермическом переплете с библиофильской точки зрения, чувствуешь, как очарование нарастает: теперь она намного дороже, ведь создана из редчайшего материала. Возможно, удастся узнать захватывающую историю ее происхождения, которой я могу поделиться с друзьями за выпивкой в своем логове, когда покажу им это необычное сокровище.

вище. Но именно в этот момент я противлюсь воображаемому библиофилу. Это просто не могло быть достаточно веской причиной для создания предметов из кожи людей.

С гуманитарной точки зрения интерес к этим странным книгам не угасает, а наоборот, усиливается. Каковы были обстоятельства жизни автора, ответственного за создание текста, который кто-то счел нужным переплести в человеческую кожу? Кем были люди, изображенные на этих анатомических иллюстрациях? Кто снабдил создателей томов кожей, в которую эти книги были переплетены, и какая судьба их постигла? Кем были переплетчики, которые согласились обернуть книгу кожей, и коллекционеры, которые заказали антроподермические переплеты? Через чьи руки прошла эта книга, прежде чем попала в свой нынешний дом в Колледже врачей Филадельфии, и что каждый владелец привнес в ее историю? Кем были те люди, которые хранили ее в безопасности для будущих ученых, и исследователи, которые изучают эти фолианты с помощью специальных линз? Чьи истории оказались преданы забвению? Когда я очеловечиваю эти книги, внезапно десятки существ, которых коснулся каждый том, собираются перед моим мысленным взором, как толпа, держащая один маленький предмет. Вот эту историю я и хотела узнать. Именно ее мне и не терпелось рассказать. Я никогда бы не подумала, что ряд невинных на вид книг в стеклянном музейном шкафу станет делом всей моей жизни.

Практика, когда берут кожу мертвеца после вскрытия для книги, называется антроподермической библиопегией.

Ноябрьское солнце подмигивало сквозь грязное окно машины, когда я проезжала мимо апельсиновых рощ, которые тянулись вдоль въезда в Хантингтонскую библиотеку в Сан-Марино, штат Калифорния. Шел 2015 год, и я работала библиотекарем, отвечающим за медицинские коллекции в Университете Южной Калифорнии. Я кивнула дежурному и нашла свое любимое парковочное место. Утренний субботний ритуал чтения в научной библиотеке начал казаться мне приятно знакомым. Большинство людей знают эти идиллические места как Сады Хантингтона, а не их полное название (Библиотека, художественное собрание и ботанические сады Хантингтона), что вполне объяснимо, учитывая поразительные 120 акров ухоженной зелени поместья. Несмотря на то что это очевидно из самого названия, многие посетители, похоже, понятия не имеют, что в этом раю есть библиотека мирового класса и исследовательский центр. Даже мои местные друзья рассказывали, что никогда не бывали в зданиях, где выставлены на всеобщее обозрение редкие книги, научные артефакты и коллекции изящных искусств. Еще меньше людей замечают массивное строение Исследовательского центра Мангера, несмотря на то что оно расположено рядом с главным входом. Каждый день толпы посетителей проходят мимо здания с колоннами, направляясь в сад с колясками и фотоаппаратами. Они многое теряют.

«Я никогда бы не подумала, что ряд невинных на вид книг в стеклянном музейном шкафу станет делом всей моей жизни».

Белое здание Исследовательского центра Мангера всегда казалось мне айсбергом с его многочисленными этажами под землей, вмещающими ошеломляющие одиннадцать миллионов предметов, охватывающих десять столетий. Иногда я безнадежно, радостно терялась в лабиринте кип бумаги, где не было ничего, кроме шифра, написанного карандашом на листах. Чаще всего я ждала в уютном читальном зале, переводя взгляд с бюста на бюст, на каменные лица выдающихся мыслителей, выстроившихся вдоль стен, пока из бездонных глубин не извлекали запрошенный мной том. Служитель протягивал его мне, и я клала его на бархатную подставку, которая позволяла читать книгу, меньше давя на переплет, если открывать ее полностью. Библиотека Хантингтона – одна из величайших независимых исследовательских центров такого типа в мире, но давайте посмотрим правде в глаза: именно сады привлекают сюда сотни тысяч людей каждый год. Быть там читателем – все равно что проникнуть в святая святых.

По утрам, ища библиографические сокровища, скажем, в альбоме какого-нибудь мастера-переплетчика или в одном из бархатных анатомических атласов Жака д'Агоги, я испытывала благоговейный трепет и благодарность за то, что эта коллекция оказалась в моем городе, и волнение от того, что тут можно обнаружить. За семь лет, прошедших с первого столкновения с книгами в переплете из человеческой кожи в Колледже врачей Филадельфии, я проделала долгий путь. Стекло витрины больше не отделяла меня от артефактов, которые подстегивали мое интеллектуальное любопытство.

Приближаясь к этому священному месту в ту конкретную субботу, я столкнулась с ранее неизвестным мне чувством – страхом. В сумке лежал конверт из манильской бумаги, в котором были перчатки, горсть маленьких конических пластиковых пробирок типа Эппендорф и металлический скальпель с несколькими отдельно запечатанными лезвиями. Я вспотела, чувствуя, что меня не должны пускать внутрь с этой контрабандой.

Стивен Табор, хранитель редких книг в библиотеке Хантингтона, ждал меня у охраны. Мы уже знали друг друга; мы оба были членами Клуба Заморано, Общества библиофилов Южной Калифорнии, которое представляет собой веселую компанию продавцов редких книг, коллекционеров и библиотекарей. Но сегодня в воздухе чувствовалось напряжение, потому что вместо того, чтобы читать сокровища библиотеки, я была там, чтобы препарировать их. Я планировала забрать мельчайшие кусочки двух из них для научной проверки. Мне хотелось выяснить, действительно ли эти книги сделаны из самого ужасного материала – человеческой кожи. Образцы будут взяты из пергаментной записки и медицинской книги под названием «Иллюстрированный компендиум по анатомии» (*Anatomy Epitomized and Illustrated*). Это незначительное повреждение было необходимым злом, если мы хотели понять, как к этим таинственным предметам относились ранее.

Такие фолианты были призраками на полках библиотек, музеев и частных коллекций более века. Книги из человеческой кожи – в основном сделанные докторами-библиофилами XIX века – единственные тома, которые вызывают споры не из-за идей, которые они содержат, а из-за физической оболочки. Они отталкивают и завораживают, и их самая обычная внешность маскирует ужас, присущий этим творениям. Книги в антроподермическом переплете рассказывают запутанную и неудобную историю о развитии медицины и врачебного класса, а также о худшем из того, что может произойти от столкновения стяжательства и отстраненного клинического взгляда. Тяжесть наследия этих предметов переходит к учреждениям, в которых они хранятся, а также к библиотечным и музейным специалистам, отвечающим за них. Каждый владелец по-разному относится к этой ответственности.

Книги из человеческой кожи отталкивают и завораживают одновременно.

Очень мало известно об этих книгах или даже о том, сколько примеров такой практики может существовать. Часто данные, связанные с такими артефактами, никак нельзя было подтвердить или опровергнуть. Не было способа узнать, действительно ли эти тома сделаны из человеческой кожи, и если да, то как они были созданы и кому эта кожа принадлежала.

Незадолго до этого, в 2014 году, после сотен лет перешептываний и намеков относительно книг в антроподермических переплетах, сторонники сохранения предметов старины в Гарвардской библиотеке обнаружили, что с помощью простого научного теста можно определить, действительно ли том сделан из человеческой кожи. Вскоре после этого я объединила усилия с химиком, проводившим эксперимент в Гарварде, другим химиком и куратором Музея Мюттера в Филадельфии, чтобы вместе начать проект «Антроподермическая книга». Наша цель – выявить и проверить как можно больше предполагаемых книг из человеческой кожи и развеять давние мифы о самых жутких фолиантах в истории. Иногда весьма неожиданные тома делали из этого материала, а самые правдоподобные и удивительные экземпляры на самом деле

оказываются подделкой. На момент написания этой книги моя команда выявила только около 50 предполагаемых антроподермических книг в открытых коллекциях и еще несколько – в частных. С такой небольшой областью исследования любой результат может полностью изменить понимание сферы этой практики. Мы должны подходить к каждому пункту объективно и позволять науке говорить правду.

В Гарвардской библиотеке в 2014 году создали научный тест на определение, действительно ли обложка книги сделана из человеческой кожи.

Табор провел меня в ту часть здания Исследовательского центра Мангера, которую я никогда не видела, – туда, где его коллеги из отдела охраны предметов старины стояли с каменными лицами вокруг каких-то темных кожаных книг на столе. Я могла бы сказать, что им было так же некомфортно в этой ситуации, как и мне. Большинство библиотекарей чувствовали бы ужас, отрезая куски старинных изданий, независимо от цели. Я пожалела, что надела веселый желтый кардиган, а не что-то более подходящее к этой ситуации. Что-то вроде белого лабораторного халата было бы более уместным. Мало кто знал, что в тот день я впервые в жизни держала в руках скальпель.

Предметы, которые мне предстояло исследовать в тот день, были частью нашего проекта «Антроподермическая книга». Я провела небольшое расследование и обнаружила, что «Иллюстрированный компендиум по анатомии» был напечатан в 1737 году и принадлежала перу некоего М. Н., которым, как полагают историки, был Томас Гибсон, главный врач английской армии. Первоначально опубликованная в 1682 году, эта книга собрала в себе все, что на тот момент было известно о строении человеческого тела, и расширила древнее руководство, составленное десятками анатомов задолго до этого. Многие книги в человеческой коже не были изначально наделены таким странным переплетом. Некоторые коллекционеры, обычно врачи, брали самые старые или редкие тексты, переплетали их в обложки из кожи, снятой с трупа во время анатомического вскрытия, и добавляли их в свои частные коллекции. Такие люди имели доступ к этому необычному материалу, и в результате книги становились гораздо более редкими и, следовательно, более ценными. Хотя до сих пор мне не удалось идентифицировать врача, создавшего эту морщинистую книгу в темно-коричневой кожаной обложке, ранее она принадлежала доктору Блейку Уотсону, бывшему заведующему акушерским отделением медицинского центра Святого Иоанна в Санта-Монике, Калифорния, который затем пожертвовал ее библиотеке Медицинской ассоциации округа Лос-Анджелес (гораздо менее известная, чем музей LACMA, который носит такое же название). В этом учреждении раньше содержалось огромное количество редких медицинских книг и была очень хорошая база врачей-библиофилов, которые также были членами библиотечного общества LACMA. Когда библиотека закрылась, тома стали частью и без того внушительной научной коллекции Хантингтона, а Группа друзей LACMA была в конце концов переименована в Общество истории медицины Южной Калифорнии. Организация продолжает проводить лекции в библиотеке Хантингтона и по сей день, а я являюсь их президентом. Происхождение «Иллюстрированного компендиума по анатомии» довольно характерно и для других предполагаемых антроподермических книг: они проходят через руки коллекционеров медицинских трудов и оказываются в таких учреждениях, как библиотека Хантингтона.

В тот день я взяла образец с еще одного объекта – асимметричного куска пергамента. Он был рыжевато-коричневым, с темными пятнами по всей поверхности, особенно по краям, которые и без того были очень хрупкими. Текст с необычной орфографией и заглавными буквами, которых нет уже в английском языке (возможно, это указывает на неграмотность автора), рассказывал душераздирающую историю:

«Эту кожу Белого Человека содрал живьем Инген. Он освеживал его и содрал с него кожу, пупок вырезал. Человек был привязан к Столбу у Костра и Подожден Заживо. Белая кожа – это Трофей племени. Инген из рода Улиссов использует Бледную Кожу как деньги. Нам приказано отправиться в Олбани. Если мы сохраним кожу. 117 Храбрецов погибли, некоторые больны. АРМИЯ генерала Салливана. Люк Сваатланд из Вайоминга. 13 сентября 1779 года».

Если это правда, то эта записка указывала на ряд ужасающих голословных заявлений о коренных американцах в Нью-Йорке во время Войны за независимость в США. Автор не только заклеил их тем, что они поджарили человека на углях и содрали с него кожу, чтобы сделать этот кусок пергамента, но и обвинил целое племя в использовании белой кожи в качестве валюты.

В ту эпоху действительно жил Люк Светланд (не Сваатланд). Он происходил из долины Вайоминг, штат Пенсильвания, и был похищен во время плавания на каноэ по реке Саскуэханна 25 августа 1778 года. Об этих событиях рассказал его правнук Эдвард Меррифилд в книге «История пленения и спасения от индейцев Люка Светланда: раннего поселенца долины Вайоминг и солдата, участвовавшего в Американской революции» (*The Story of the Captivity and Rescue from the Indians of Luke Swetland: An Early Settler of the Wyoming Valley and a Soldier of the American Revolution*, 1915). Там говорится о вынужденном путешествии в то место, где сейчас находится Апплтон, Нью-Йорк. Там он стал «внуком» пожилой коренной американки и занимался домашним хозяйством. «Индейцы были удивительно добры ко мне и сделали мне много подарков, – писал Светланд в дневнике. – В любых случаях они относились ко мне с большим уважением».

Через 14 месяцев после похищения и многих неудачных попыток спастись ему все-таки удалось сбежать из плена и вернуться к семье. «Сначала им показалось, что они увидели привидение, – писал Меррифилд о возвращении прадеда. – Но он действительно был там, во плоти».

Неужели Светланд написал эту отчаянную записку на сохранившейся коже другого пленника? У меня были сомнения. Указанная дата показалась мне слишком близкой к моменту его воссоединения с семьей – она не могла быть написана под непосредственной угрозой пыток. Правописание также вызвало некоторое подозрение. Хотя текст был создан примерно в то время, когда в американском английском появилась стандартная, согласованная орфография², внук Светланда утверждал, что тот был настоящим книжным червем. Он, вероятно, знал, как пишется его собственная фамилия (хотя нельзя утверждать это наверняка, учитывая период, когда была написана записка).

И, хотя у меня много навыков, полезных при работе с антроподермическими книгами, ловкость рук не входит в их число. Я самая настоящая недотепа, и в моей голове уже вырисовывалась страшная картина, как пронзаю себя скальпелем и загрязняю при этом образцы библиотеки Хантингтона. Я затаила дыхание, пытаясь удалить как можно меньшую часть кожи антикварной книги и пергамента. Потом поместила эти крошечные чешуйки в пластиковые колбы с крышками и пометила их, а затем отправила химикам из моей команды для анализа с помощью пептидной массовой дактилоскопии (ПМД) – того же метода, которым в 2014 году пользовалась Гарвардская библиотека.

Все происходит следующим образом: сначала скальпелем или острым пинцетом удаляют крошечный кусочек книжного переплета. Если он виден невооруженным глазом, то этого более чем достаточно. Образец помещается в фермент, называемый трипсином, и затем эту смесь кладут на специальную пластину для матрично-активированной лазерной десорбции/ионизации (МАЛДИ). После этого проводят масс-спектрометрию: лазеры облучают материал, чтобы

² Стандартизацию американской орфографии, как правило, многие приписывают Ною Уэбстеру. Он описал ее в своем словаре 1806 года. – *Прим. авт.*

идентифицировать пептиды (короткие цепи аминокислот, которые являются строительными блоками белков) и создать пептидный массовый отпечаток (ПМО). Он выглядит как линейный график пиков и впадин, и каждый соответствует записи в базе данных известных образцов животных.

У каждого семейства есть общий «штамм» белковых маркеров, выступающих в качестве ориентиров, которые ученые могут использовать, чтобы отличить одно животное от другого. Как объяснил мне Дэниэл Кирби – химик, который провел первые тесты ПМД на предполагаемых антроподермических книгах, – у некоторых семейств (например, полосатиковых китов) существует достаточно контрольных точек и эволюционных вариаций среди видов, составляющих семейство, чтобы идентифицировать образцы вплоть до видового уровня. Семейство парнокопытных жвачных полорогих (*Bovidae*) очень велико, и его члены имеют почти одинаковые белковые маркеры, кроме одного. Но этот последний позволяет ПМД различать овечью, козью и коровью кожу – три наиболее распространенные шкуры, используемые в переплетах. Когда результаты теста показывают семейство *Hominoidea* (также известное как человекообразные обезьяны), идентификация образца на уровне семейства так же точна, как и тест ПМД, потому что в эволюционной цепочке люди слишком близко расположены относительно других высших приматов, чтобы иметь собственные белковые маркеры. Эта неточность может показаться недостатком, но она ничуть не мешает при исследовании предполагаемых антроподермических книг, потому что если маркеры совпадают с показателями семейства *Hominoidea*, то это почти наверняка переплет из человеческой кожи. (Я говорю «почти», потому что никогда не видела ни одного тома, переплетенного в кожу обезьяны, но, дорогой читатель, если вы знаете о таких, то сообщите мне о них.)

Метод пептидной массовой дактилоскопии (ПМД) помогает определить,
из кожи кого сделан книжный переплет.

Коллаген, один из белков, из которых состоит кожа животных, сохраняется в старом предмете гораздо дольше, чем ДНК, если материал был обработан правильно (при помощи дубления или мумификации). В то же время такие процессы, как дубление, часто разрушают большую часть тестируемой ДНК, оставшейся в объекте. Генетический анализ сделать довольно трудно, когда речь идет о старинных книгах с дублеными кожаными обложками, обработанными людьми, которые могут загрязнить образец своей собственной ДНК. Область извлечения и анализа исторических и древних образцов быстро развивается, главным образом благодаря недавним разработкам, которые позволили секвенировать сразу несколько молекул, создавая большие наборы данных, которые дают более глубокое понимание ДНК, поврежденной временем. За пять лет, прошедших с нашего первого теста ПМД, появилась новая область под названием биокодициология. Она позволяет изучать физическую структуру книг с помощью анализа белков, микроорганизмов и генов. Эта захватывающая работа может не только открыть новые факты о производстве книг, но и предложить заглянуть в давно ушедшие времена, когда были созданы тома, включая описания древних практик животноводства и свидетельства чумы (и скудный обед какого-то бедного писца) в книге регистрации актов о смерти 1630 года. Даже сейчас, когда эта наука только появилась, уже можно предвидеть ее результаты и будущие возможности.

Коллаген, из которого состоит кожа животных, сохраняется в старом
предмете дольше, чем ДНК.

Большинство исследований до сих пор были сосредоточены на пергаменте, который представляет собой кожу животных, сохраненную путем растяжения, соскабливания и сушки, но не подвергнутую суровым химическим процессам дубления. Поэтому гораздо больше ДНК в пергаментных обложках или на страницах остается нетронутым. Многие рукописи такого типа относятся к Средним векам, и учреждения, в которых они хранятся, часто проводят

очень строгую политику в отношении инвазивного взятия проб, даже если образец едва виден невооруженным глазом. Перспективные биокодикологи были пионерами, которые использовали неразрушающие способы сбора ДНК из отпечатков на пергаменте – метод, который наша команда будет исследовать в будущем, чтобы увидеть, одинаково ли он эффективен при самых необычных условиях дублирования человеческой кожи. При работе с историческими артефактами всегда лучше использовать процедуры, которые являются наименее инвазивными, но все же позволяют достичь цели. На данный момент самый передовой и многообещающий анализ ДНК стоит больше, чем могут позволить себе многие учреждения или отдельные коллекционеры. А стоимость тестирования ПМД незначительна для тех, кто имеет доступ к оборудованию. И эта процедура может быть принята консерваторами и кураторами, которые не являются учеными лабораторий. Если эти передовые методы помогут устранять загрязнения, полученные в результате человеческого обращения, мы сможем узнать больше о людях, из кожи которых были сделаны подобные книги, например их биологический пол. В то же время тестирование ПМД – это очень недорогая и достаточно надежная процедура, с помощью которой можно отличить кожу человека от образцов других животных. Исследование происхождения отдельного артефакта является нашим основным средством заполнения исторических пробелов.

Быть на передовой, когда происходит пересечение истории и науки, – это очень волнующе. Узнавать результаты теста – все равно что открывать подарок рождественским утром. Когда мы получили результаты ПМД книг из библиотеки Хантингтона, они подтвердили мои догадки в обоих случаях. «Иллюстрированный компендиум по анатомии» был обтянут в настоящую человеческую кожу, в соответствии со своим медицинским происхождением. Записка Светланда была написана на воловьей шкуре.

Зачем кто-то будет лгать о том, что он сделал какой-то предмет из человеческой кожи? Если быть кратким, то все дело в деньгах. Редкость, с которой встречаются объекты из человеческой кожи, и сопутствующее ей болезненное любопытство определяют их ценность. Результат ПМД ставит под сомнение записку Светланда: действительно ли текст был создан в XVIII веке или кто-то написал его намного позже, только чтобы получить какую-то выгоду от выдуманного рассказа о пленении мужчины? Связь этого предмета с подобным повествованием – истинно американским жанром, в котором рассказываются душераздирающие истории о похищениях людей другой расы, – указывает на возможную более зловещую мотивацию. Ученые утверждают, что рассказ о пленении помог демонизировать коренную американку и оправдать явное предначертание³ Запада. Является ли эта записка примером такого мышления?

И хотя маловероятно, что я когда-то обнаружу неопровержимые доказательства – например, письмо человека, который подделывал предметы из человеческой кожи, с объяснениями его целей (эх, если бы), – именно двусмысленность мотивов, стоящих за мошенничеством, делает подделки такими же интригующими, как и реальные артефакты. Чуть больше половины объектов, которые мы проверили, сделаны из настоящей человеческой кожи, так что существует огромное количество имитаций. Все они добавляют кусочек к загадке феномена антроподермической библиопегии и контексту в истории медицины, в котором эти книги могли быть созданы.

Тома из человеческой кожи заставляют задуматься о том, как мы относимся к смерти и болезни и чем обязаны тем, кто был обижен врачами или кем врачи пользовались в корыстных целях. Это моя работа – и привилегия – помогать развивать различные способы думать о взаимоотношениях с нашим телом, особенно в контексте медицинской профессии.

³ Явное предначертание – крылатое выражение, описывающее характерное для Соединенных Штатов Америки XIX века убеждение о необходимости и оправданности экспансионизма, захвата и освоения Дикого Запада.

Я начала изучать книги, переплетенные в человеческую кожу, потому что нутром чувствовала, что их мрачные истории могут многое рассказать о цене отстраненного клинического взгляда. Но об этих жутких предметах было известно так мало.

Тома из человеческой кожи заставляют нас задуматься о том, как мы относимся к смерти и болезни и чем обязаны людям, чьи тела использовались врачами в корыстных целях.

Единственные упоминания о них в научной литературе стары и полны слухов и недомолвок, а не подтвержденных фактов. В интернете информации также было смехотворно мало. Например, если вы зададите запрос «антроподермическая библиопегия» в Google, то получите несколько реальных примеров. Но в основном это будут просто странно выглядящие старые книги и очевидные подделки, которые таксидермист, говоря о чучеле кроленя⁴, назвал бы надувательством. Некоторые из этих предметов явно являются реквизитом фильма или репликами, но другие претендуют на подлинность – даже если у них есть, скажем, тень реального лица на обложке, – и многие из этих страшных изображений можно найти в онлайн-статьях об этой практике, как будто они настоящие.

Библиотекари, изучающие редкости, давно знают, что каждая старая книга – это тайна, которая ожидает своего детектива: перья, цепочки и водяные знаки на бумаге, средневековые ноты, спрятанные под переплетами. За каждым шагом создания книги стоят мастера, чьи имена навсегда потеряны во времени. Я поняла, почему были придуманы такие термины, как «библиомания». Когда детектив заинтригован особенно сложным делом, он становится одержимым. Стараясь узнать истории, которые кроются за этими таинственными книгами, я смотрю на книги не как на обычные предметы, а как на сосуды для историй – историй, содержащихся на страницах, конечно, но также и жизнью людей, из чьей кожи может быть сделан переплет.

Я провела более пяти лет в путешествиях, только чтобы увидеть эти книги своими глазами. Попутно удалось обнаружить, что они дают необычайное представление о сложных взаимоотношениях медицинской профессии с ее прошлым. Я также поговорила с коллегами, чтобы понять, что эти спорные объекты означают для библиотек сегодня и какие уроки о жизни и смерти они могут дать всем нам.

Эта миссия привела меня в некоторые из самых почтенных культурных учреждений мира и самых маленьких общественных музеев. Я встречала хранителей коллекций, которые невероятно рады, что эти самые необычные книги с их темными родословными стоят на их полках.

Мне попадались люди, отчаянно желающие похоронить такие книги – иногда в переносном смысле, временами буквально. Мне посчастливилось обнаружить несколько интересных исторических персонажей – переплетчиков книг и тех, из чьей кожи они были сделаны, – и они пролили свет на то, что власть имущие смотрели на тела бесправных людей с беспечной банальностью.

Библиотекари давно знают, что каждая старая книга – это тайна, которая ожидает своего детектива: перья, цепочки и водяные знаки на бумаге, средневековые ноты, спрятанные под переплетами.

Антроподермические книги требуют, чтобы мы боролись со смертностью и одновременно с тем, что происходит, когда бессмертие нам навязывается. И они прояснили мое собственное моральное видение как библиотекаря и хранителя того, что осталось от прошлого. Все эти мысли пришли ко мне со временем. Началось все с обычного, но болезненного любопытства.

⁴ Рогатый заяц, кролень или кролень, иногда джекалоп или зайцелоп – вымышленное животное (химера) в виде зайца с рогами, фигурирующее в различных фольклорных, литературных и журналистских источниках в качестве мистификации или метафоры.

1. Первая печать

Если кто-то хочет поступить в Гарвард, то вряд ли причиной этому служит болезненное любопытство. Еще в начале 2015 года я отправилась в Хоутонскую библиотеку этого университета, чтобы посмотреть на первую и единственную антроподермическую книгу, подлинность которой подтверждена. Представитель так называемого рабочего класса, я была поражена тем, что, будучи студентом библиотечного факультета в крупном исследовательском университете, могла просто написать в другое высшее учебное заведение и сказать, что я хотела бы увидеть книгу в переплете из человеческой кожи, и они ответили мне: «Конечно, приходите!» Я была полна решимости пользоваться этой исключительной привилегией при каждом удобном случае. В то время как большинство людей бегут, опустив глаза, через гарвардский двор под порывистым весенним ветром, я всегда буду тем человеком, который задержится возле солнечных часов, на которых написано «В этот момент застыла вечность»; мечтательное выражение моих глаз выдает во мне безнадежного ботаника, любителя истории, который просто в высшей степени счастлив быть там.

В Хоутонской библиотеке есть первый и единственный экземпляр антроподермической книги, подлинность которой подтверждена.

Оказавшись в читальном зале Хоутонской библиотеки, я сняла варежки, подула на руки и вынула из рамы «Судьбы души» (*Des destinées de l'ame*) Арсена Уссе. На обложке была пятнистая кожа с большими видимыми порами. Внутри форзацы были украшены веселыми, яркими инициалами *Ls* и *Bs* (предположительно инициалы его бывшего владельца, доктора Людовика Буланда), а также двумя символами, связанными с Францией и медицинской профессией соответственно: геральдическая лилия (флер-де-лис) и посох Асклепия (змея, обернутая вокруг палки). Открыв том, я прочла посвящение, которое неожиданно показалось мне душераздирающим для книги, сделанной из человеческой кожи.

Перевести текст с французского можно следующим образом:

Я посвящаю эту книгу
тебе,
кто была душой этого дома,
кто зовет меня в дом Божий,
кто ушел раньше меня
и заставил полюбить путь смерти,
тебе, чья память сладка,
как аромат рек сожаления,
тебе, которая растила детей в этом доме,
тебе, которая никогда не вернется,
но которая всегда будет иметь свое место в этом доме,
тебе, которая была музой, женой и матерью
с тремя чертами —
благодатью, любовью и добродетелью,
тебе,
кого я любил, кого люблю, кого буду любить.

К 1880-м годам пожилой писатель Арсен Уссе отошел от драмы, сатиры и художественной критики, вокруг которых он построил свою писательскую карьеру, чтобы размышлять о душе и о том, что происходит с такими людьми, как его любимая жена, когда их души покидают

этот мир. Охваченный горем, он углубился в философские, научные, поэтические и оккультные концепции души и размышлял о ее бессмертии в «Судьбах души».

Он передал копию работы своему другу-библиофилу Людовику Буланду. Врач уже несколько лет держал у себя кусок кожи со спины женщины и решил, что этот материал отлично подойдет в качестве обложки для книги его любимого убитого горем друга. «Если вы посмотрите внимательно, то легко различите поры кожи», – удивлялся Буланд в рукописной записке, которой открывались «Судьбы души», где на некачественной окисленной бумаге виднелось призрачное изображение записки на лицевой странице. «Книга о человеческой душе заслуживает того, чтобы ей дали человеческую одежду».

В Хоутонской библиотеке я держала эту одежду своими голыми руками. Вопрос номер один, который обычно задают библиотекарям, которые работают с редкостями, обычно следующий: «Что, без перчаток?» Ношение перчаток для работы с редкими книгами на самом деле повышает вероятность того, что вы разорвете страницу. Если только вы не работаете со старыми фотографиями, на которых могли бы оставить постоянный отпечаток пальца, или не прикасаетесь к предмету, который может причинить вам физический вред (а в моей карьере такие случаи действительно возникают – да-да, я говорю именно о тебе, набор для лечения зубов пограничной эпохи, полный ртути и кто знает чего еще). Лучше всего просто часто мыть и сушить руки, если вы будете взаимодействовать с редкими экземплярами. Перчатки предназначены для фотографий – либо для работы с ними, либо для позирования, на котором они делают вас похожим на очень серьезного исследователя.

В 1880 году писатель Арсен Уссе попросил друга переплести его книгу «Судьбы души» кожей умершей женщины.

Экземпляр «Судеб души» в моих руках мало чем отличается от других книг в кожаных переплетах той эпохи, за исключением того, что дизайн был немного попроще. До появления ПМД изучение фолликулов было наиболее распространенным методом определения того, из кожи какого животного был сделан переплет. Продавцы редких книг до сих пор применяют его, чтобы установить происхождение материала для описания книг при продаже. Идея заключается в том, что расположения волосных фолликулов человека, коровы и свиньи различаются. Некоторые лаборатории, где изучают предметы старины, используют мощные микроскопы. Этот метод почти всегда работает, однако паттерны фолликулов могут быть ненадежными. В процессе дублирования кожа растягивается и деформируется непредсказуемым образом, поэтому отличить треугольник от ромба может быть довольно трудно. С возрастом фолликулы кожи также могут деформироваться. Последствия минимальны, если книготорговец ошибочно принимает сафьяновую кожу за телячью. Но разница в ставках и цене между книгой из кожи животного и человека существенна.

В 2014 году Гарвардская библиотека провела тестирование трех книг из трех разных учреждений, чтобы выяснить, действительно ли они сделаны из кожи человека. «Судьбы души» были переплетены в человеческую кожу, а две другие предполагаемые антроподермические книги – в овечью. Одна из них, издание Хуана Гутьерреса 1605 года «Практические вопросы о законах Испании» (*Practicarum quaestionum circa leges regias Hispaniae*), обычно всегда хранилась в библиотеке Гарвардской юридической школы, но когда я попыталась ее увидеть, то обнаружила, что она находилась в отделе сохранения предметов старины, когда тот был на ремонте, – поддержать ее в руках не получилось. Но я отправилась в медицинскую библиотеку, чтобы посмотреть другую подделку.

Раньше популярным методом определения того, из кожи какого животного был сделан переплет, было изучение фолликулов. Продавцы редких книг до сих пор его используют.

Когда я приехала в медицинскую библиотеку Кантуэй, дежурная за стойкой отдела редких книг произнесла те волшебные слова, которые хочет слышать каждый исследователь: «Джек велел мне передать вам, что приготовил для вас пару сюрпризов». Она имела в виду библиотекаря Джек Экерта, к которому я приехала. Она прошаркала обратно к полке, где лежали послания от него, и прочитала вслух письмо из конверта. «Татуировка на человеческой коже...» – Ее улыбка превратилась в гримасу.

Я нервно усмехнулась: «Вы, наверное, думаете, во что вас пытаются втянуть эта дама с утра?»

«Скучно тут никогда не бывает», – вздохнула она, протягивая мне тяжелый белый конверт.

Люди склонны думать, что библиотекари целыми днями сидят и читают книги. Если бы. В некоторых обстоятельствах работа может оказаться на удивление опасной. Однажды я наткнулась на подаренную коробку редких медицинских материалов в моей собственной библиотеке. Я порылась в свертках в скомканной коричневой бумаге, в которую были упакованы таинственные предметы в коробке, и почувствовала резкий укол в палец. Когда на пальце появилась маленькая капля крови, я воспользовалась другой рукой, чтобы открыть предмет, которым я поранилась. Это была небольшая металлическая коробочка на петлях, похожая на коробочку конфет Altoids, дорожный набор врача примерно 1900-х годов. Я открыла ее и, к своему ужасу, обнаружила, остатки разбитых стеклянных пузырьков со страшными веществами вроде стрихнина и морфия. В коробке также была иголка, покрытая бог знает чем. И это бог-знает-что укололо мой палец. Я сидела в своем унылом подвальном кабинете, и жизнь проносилась у меня перед моими глазами. «Неужели я так умру?» – спросила я сама себя, целеустремленно дыша, чтобы предотвратить гипервентиляцию. Я выжила и выучила урок: не суй руки туда, куда не знаешь.

Люди думают, что библиотекари целыми днями сидят и читают книги.

Если бы. Иногда их работа может оказаться довольно-таки опасной.

Итак, я была в библиотеке Кантуэй и пыталась высвободить этот таинственный предмет из упаковки, чтобы не изучать его вслепую. В конце концов содержимое оказалось у меня на ладони. Образец отделился от картонной подложки, вековой темный кусок кожи теперь касался моей. На нем была татуировка, изображающая Иисуса на кресте в окружении других людей. Фолликулы были выпуклыми, и он был хрупким, как черствый крекер. Сзади на коже виднелись коричневые завитки – как будто в творчестве Винсента Ван Гога начался копрологический период – вероятно, от клея, который когда-то держал ее на картонной подложке. Теперь я упиваюсь своей привилегией видеть удивительные редкие предметы, осязать их и чувствовать одной из первых. Но не обольщайтесь: иногда эта работа жутковата. Конечно, у меня немного другие стандарты жутковатости, чем у других людей, но и я от этого не застрахована.

Я положила татуированную кожу обратно в конверт и вернула его библиотекарю. «Ну, это было отвратительно даже для меня».

«Думаете, мне тоже стоит на это взглянуть?» – спросила библиотекарь, и мы одновременно покачали головами. «И еще несколько вещей для вас... о, тоже из человеческой кожи!» Она изобразила волнение и достала папку с очередным белым конвертом. Сопроводительная бумага гласила: «Образцы дубленой человеческой кожи. Дубленая кожа белого человека и дубленая кожа цветного человека. Кожевенный завод Муллена, Северный Кембридж, 1882 год». Но я видела только один образец кожи. Он был гораздо толще предыдущего, и в нем было жутковатое отверстие. Позже я поняла, что дырка, вероятно, была раньше пупком. Когда я приехала в Кембридж, мне и в голову не приходило, что из-за своих исследований я могу забыть

и думать об обеде. Желудок скрутило. Однако Экерт был прав: меня ждало здесь много сюрпризов.

Позже я встретила с ним, чтобы обсудить коллекцию. В библиотеке была копия «Метаморфоз» Овидия XVI века, которая, как утверждалось веками, была переплетена в человеческую кожу, пока научные исследования не показали, что это овечья шкура. «Анализы, проведенные здесь, заставляют меня думать, что, вероятно, существует гораздо меньше артефактов из человеческой кожи, чем первоначально предполагалось», – сказал Экерт. Он впервые встретился с феноменом антроподермической библиопегии в том же месте, что и я. Джек работал в Колледже врачей Филадельфии, прежде чем перешел в Гарвард. Услышав, что на его новом рабочем месте якобы есть книга в переплете из человеческой кожи, он был заинтригован, но, поскольку у библиотекарей есть тысячи забот, он не слишком задумывался об этом. Время от времени Джек доставал книгу, чтобы показать ее любопытствующим, но потом у него появилось предчувствие, что она может оказаться ненастоящей. Когда центр сохранения предметов старины Гарвардской библиотеки захотел проверить Овидия вместе с двумя другими предполагаемыми книгами в переплете из человеческой кожи, он ухватился за возможность узнать правду. «„Метаморфозы“ – это о том, как люди превращаются в другие вещи, поэтому то, что кто-то превращается в книгу, по-моему, было бы идеально». Как только тайна была раскрыта, копия «Метаморфоз» из библиотеки Кантуэй вдруг стала не такой важной частью медицинской коллекции. Научные открытия изменили обоснование места книги в собрании.

Увидев ее своими глазами, я поняла, почему ее так долго считали оригиналом. Как и многие другие предполагаемые антроподермические книги, эта была маленькой – размером с мобильный телефон, – и на коже снаружи были очень заметные фолликулы, откуда раньше из кожи росли волосы. Внутри обложки – красная кожаная подкладка, украшенная золотым топором, но без имен и подписей. Внизу кто-то написал карандашом: «Переплетено в человеческую кожу». Вы, наверное, спросили, кто это написал? Это мог быть любой, кто сталкивался с книгой за сотни лет ее существования: бывший владелец, переплетчик, книготорговец, библиотекарь. Такой записки обычно было достаточно, чтобы убедить людей. Без возможности проверить правдивость шокирующего заявления оно обычно принималось за чистую монету. Какова бы ни была мотивация, сам факт того, что такая надпись была сделана, означала, что книга стала частью научной области антроподермической библиопегии и теперь считалась необычной. Немногие факторы могут повысить ценность книги, но редкость – один из них. У «Метаморфоз», по-видимому, имелась одна характерная черта, которая ставила под сомнение подлинность книги, – ее возраст. Непроверенные примеры с наиболее достоверными подтверждающими историческими свидетельствами датируются концом XVIII – концом XIX века. Это издание Овидия 1597 года, казалось, было слишком старо. Но до того, как книги стали выпускаться механическим способом в XIX веке, люди покупали текстовый блок (сложенные в стопку и скрепленные страницы шли по порядку, но были без обложки) у печатника, а затем переплетали его. Либо сам книготорговец брал на себя риск переплести листы и выставлял их на продажу в своем магазине. Только в середине XIX века книги начали поступать от издателя в стандартизированной, законченной форме в твердом переплете, в котором мы знаем их сегодня. Старый метод сделал большинство антикварных фолиантов уникальными артефактами.

Немногие факторы могут повысить ценность книги, но редкость – один из них.

Эти книги перепродавались и переплетались с самозабвением – иногда для того, чтобы сделать их максимально соответствующими эстетическим вкусам нового владельца, а временами – чтобы собрать несколько произведений в один том или разобрать их. Коллекционеры старых редких книг XIX века особенно часто переплетали книги. Поэтому даже антиквар-

ное издание, напечатанное до известной эпохи антроподермической библиопегии, могло быть предметом из человеческой кожи, если бы было переплетено в эту эпоху. Листая копию «Метаморфоз», я заметила, что некоторые поля по бокам страницы были обрезаны – верный признак того, что ее по крайней мере один раз переплетали.

После многих лет веры в то, что книга Овидия имеет такое необычное отличие, некоторые из сотрудников библиотеки Кантуэй были разочарованы, узнав, что переплет книги не был предполагаемого происхождения. Но Экерт был рад узнать ответ. Он также испытал немалое облегчение, избежав полемики, с которой столкнулись его коллеги из Хоутонской библиотеки по поводу их настоящей книги в переплете из человеческой кожи – «Судеб души». «Последнее потрясение, касающееся книги из Хоутонской библиотеки, – кто-то хотел похоронить ее! Я просто счел это безумием! Где бы вы остановились?» Экерт привык работать в медицинских коллекциях, где хранились человеческие останки, и разделял мои опасения по поводу призывов к уничтожению артефакта, когда так много в его индивидуальной истории остается загадкой.

Коллекционеры редких книг в XIX веке довольно часто переплетали
книги человеческой кожей.

В 2014 году обычный, скучный блог Хоутонской библиотеки Гарвардского университета объявил о результатах теста ПМД трех предполагаемых антроподермических книг, что вызвало десятки комментариев вроде следующих: «Эта книга должна быть похоронена в знак уважения к бедному пациенту, чье тело было осквернено сумасшедшим доктором!» или «Переплет – это жуткий позор из тех времен, когда человеческое достоинство душевнобольных и других легко принижалось. У вас есть винтажные абажуры времен Второй мировой войны, Гарвард?» Библиотекарей, должно быть, встревожило внезапное негативное внимание. Объявление, которое называлось «Предупреждение лектору», начиналось со слов: «Хорошие новости для поклонников антроподермической библиопегии, библиоманов и каннибалов: тесты показали, что это копия книги Арсена Уссе „Судьбы души“, находящаяся в Хоутонской библиотеке... без сомнения, переплетена в человеческую кожу». Этим постом Гарвард непреднамеренно представил публике табуированный вид редкой книги. Издания, переплетенные в человеческую кожу, больше не были жутким слухом, о котором рассказывают гиды-студенты во время экскурсий по кампусу. По крайней мере одна из них теперь была подтверждена как научный факт.

Эти библиоманы и поклонники антроподермической библиопегии, без сомнения, были очарованы находками в Гарварде. Вместе с этими любопытствующими пришли и читатели, шокированные как самой практикой переплетения книг в человеческую кожу, так и тем фактом, что в Гарварде вообще хранились такие отвратительные вещи. Пол Нидем, библиотекарь, занимающийся редкими изданиями в Принстонском университете, заявил, что не только тон сообщения в блоге «шокирует своей грубостью», но и что единственная этическая вещь, которую можно сделать теперь, когда было подтверждено, что переплет сделан из человеческой кожи, – снять обложку и похоронить ее. Ему удалось заставить Гарвард убрать оскорбительное название и первую строчку поста в блоге, но никто не похоронил и не кремировал переплет. Нидем, самый громкий голос в мире редких книг, который был за уничтожение артефакта, высказал свои мысли на собственном веб-сайте и в различных письменных рассылках: «Хотя сохранение является главной обязанностью библиотек и музеев, они не должны забывать и о более широких вопросах этики. Бывают времена, когда „благо“ сохранения должно отойти на второй план при появлении других непреодолимых обязанностей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.